

Г.К. Властов

Война в Большой Чечне

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.К. Властов**
Война в Большой Чечне / Г.К. Властов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 56 с.

ISBN 978-5-458-13132-2

Война в Большой Чечне.Статья майора Властова.

ISBN 978-5-458-13132-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тую дикимъ виноградникомъ и вьющимися растеніями. Между этими лѣсами открываются обширныя поляны, кое-гдѣ поросшія кустарниками, на которыхъ зрѣетъ хлѣбъ и пасутся стада.

Движеніе русскихъ войскъ по этой пересѣченной и закрытой мѣстности представляетъ весьма важныя затрудненія. Отрядъ, двигаясь впередъ, долженъ имѣть съ собою необходимое продовольствіе, военные запасы, повозки для раненыхъ; отсюда является необходимость въ значительномъ обозѣ. Обозъ этотъ долженъ быть прикрытъ со всѣхъ сторонъ цѣпью, чтобы не допустить къ нему прорыва непріятеля, который съ такимъ искусствомъ умѣетъ пользоваться мѣстностью, скрывается при нашемъ наступленіи, снова появляется на всѣхъ пунктахъ, невидимъ, неуловимъ, но съ убійственною мѣткостью посылаетъ свои пули, пользуясь лѣсомъ, скрывающимъ его отъ взора, оврагомъ, канавою или балкою; непріятель, который всегда сторожитъ наши движенія, всегда наготовѣ, и который, пользуясь утомленіемъ цѣпи, иногда ослабленной потерями, мгновенно бросается на нее, пытаясь смять; но, отраженный штыками, снова выжидаетъ удобной минуты, и гдѣ-нибудь на днѣ темнаго лѣсистаго оврага, среди частаго орѣшника, перевитаго лозою, когда резервы отдѣлены отъ цѣпи, пара отъ пары, человекъ отъ человека — врагъ стремительно бросается на разведенную цѣпь, и, снова отраженный, исчезаетъ, чтобы снова появиться.

Понятно, что движенія по этой странѣ не могутъ обойтись безъ значительныхъ потерь. До 1850 года войска наши бывали въ Большой Чечнѣ только набѣгами. Не имѣя ни опорнаго пункта, ни хорошаго пути отступленія, мы могли вторгаться внутрь страны не иначе, какъ при условіи возвратиться въ тотъ же день въ укрѣпленіе. Застигнутый врасплохъ, Чеченецъ дрался какъ левъ; при отступленіи, онъ съ ожесточеніемъ бросался на арьергардъ, которому въ чеченской войнѣ выпадаетъ всегда самая тяжелая работа, — а по уходѣ Русскихъ, на другой день, снова строилъ свою незатѣйливую саклю, которая черезъ недѣлю была готова, снова заводился скотомъ, снова сѣялъ свой хлѣбъ, и на томъ же мѣстѣ, разбойничая, жилъ беззаботно до новаго набѣга, въ отмщеніе за хищничество.

Необходимо было измѣнить такой порядокъ вещей, и дать войскамъ нашимъ возможность проникать въ эту недоступную по природѣ страну.

Для этой цѣли нужно было только проложить пути, по которымъ могли бы безпрепятственно двигаться отряды. Цѣль эта достигалась вырубкою просѣкъ, шириною на одинъ или на два пушечные выстрѣла. Эти широкія улицы, соединявшія между собою большія поляны, представляли вѣрное средство для успѣха; ибо тамъ, гдѣ возможно для насъ соединенное дѣйствіе трехъ родовъ оружія, гдѣ возможенъ порядокъ —

несокрушимая сила регулярныхъ войскъ, тамъ мы властелины мѣстности, и несмѣтныя толпы горцевъ не могутъ воспрепятствовать нашимъ движеніямъ. Достаточно вспомнить блистательное дѣло (6-го Февраля 1850 года) Полковника (нынѣ Генераль-Маіора) Майделя, на Шалинской Полянѣ, гдѣ съ четырьмя баталіонами онъ дрался и одержалъ верхъ надъ скопищемъ Хаджи-Мурата и Элисуйскаго Султана Даниеля; дѣло 6-го Октября 1854 года, при Исти-су, гдѣ Полковникъ (нынѣ Генераль-Маіоръ) Баронъ Николаи съ семью ротами отгѣснилъ отъ окруженнаго уже аула двадцати-тысячную толпу горцевъ, — и убѣдиться, что нестройныя, хотя и многочисленныя, толпы не могутъ держаться противу мужественной горсти людей, производящихъ свое наступленіе въ порядкѣ и поддерживаемыхъ артиллеріею.

Остановимъ вниманіе читателя на пунктахъ, могущихъ облегчать доступъ внутрь страны.

Основаніемъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ этомъ краѣ естественно должно назвать Аргунъ, протекающій по равнинѣ, и къ которому прилегаетъ страна, въ нашихъ рукахъ находящаяся. Почти параллельно Аргуну идетъ дорога изъ Грозной въ Воздвиженскую; она пролегаетъ черезъ Ханкальское Ущелье, которое однако не представляетъ никакой опасности, ибо оба выхода этого дефиле, образованнаго, какъ мы выше сказали, двумя гигантскими лѣсистыми холмами, находятся въ нашихъ рукахъ. Исключая же этого мѣста, дорога идетъ по открытой безлѣсной равнинѣ, и потому слѣдованіе по ней совершенно безопасно.

Правая (непріятельская) сторона Аргуна, отъ ущелья до Ханкаловъ, представляетъ также безлѣсную равнину; вдали только виднѣется густой лѣсъ, служившій какъ бы завѣсою обширной Шалинской Поляны, которая посредствомъ множества перелѣсковъ соединяется съ другими меньшими полянами, ведущими далеко внутрь страны. На югѣ, эти поляны простираются до мезенскихъ хуторовъ; на юго-востокѣ ведутъ къ ауламъ Автуръ и Гельдигентъ, которые лежатъ на послѣднихъ скатахъ Черныхъ Горъ. Всѣ усилія наши были направлены къ тому, чтобы прорубить густую завѣсу, отдѣляющую равнину праваго берега Аргуна отъ Шалинской Поляны, для удобнѣйшаго доступа внутрь страны. Низовья Аргуна, отъ Ханкаловъ до впаденія его въ Сунжу, представляютъ также выгоды для наступленія. Хотя Джалка и множество ручьевъ и балокъ перерѣзываютъ мѣстность по всемъ направленіямъ, но, по сдѣланіи просѣкъ и разчисткѣ на большее разстояніе дорогъ, эта пересѣченность мѣстности не можетъ быть опасною для колонны, слѣдующей съ военными и продовольственными запасами въ передовое укрѣпленіе. Какъ только невозможно неожидан-

ное нападеніе, то рѣдко толпы горцевъ рѣшаются бросаться на войска, двигающіяся въ порядкѣ. Самыя нижнія части Аргуна низменны, топки и покрыты густыми лѣсами, что дѣлаетъ ихъ неудобными для движенія войскъ. Таковы доступы съ западной стороны Чечни; затѣмъ огибая страну эту, мы естественно остановимся на ущельѣ, образованномъ прорывомъ Сунжи сквозь Качкальковскій Хребетъ, тамъ, гдѣ Гудермесь сливается съ нею, замыкая собою это широкое дефиле. Отъ укрѣпленія Умаханъ-юрта, лежащаго при входѣ въ ущелье, до укрѣпленія Тепликичу, при впаденіи Аргуна въ Сунжу, идетъ дорога по лѣвому берегу этой рѣки. Хотя дорога эта лежитъ и внутри Чечни, на южномъ скатѣ Умаханъ-юртовскаго Хребта, но защищенная на всемъ своемъ протяженіи теченіемъ Сунжи, которой обрывистые берега допускаютъ переправу лишь на немногихъ пунктахъ, она, при нѣкоторой разработкѣ, можетъ служить лучшимъ и кратчайшимъ сообщеніемъ Кумыкской Плоскости съ центромъ управленія лѣваго фланга, крѣпостью Грозной.

Гудермесь, который вливается здѣсь въ Сунжу, замыкаетъ это ущелье, но онъ переходимъ въ бродъ, берега его, на протяженіи дефиле, безлѣсны, и онъ не представляетъ препятствія для движенія. Далѣе, на пушечный выстрѣлъ отъ него, растетъ частый дубнякъ, который, подходя къ Сунжѣ, превращается въ большой чинаровый и дубовый лѣсъ; за этимъ перелѣскомъ открываются обширныя поляны, перерѣзанныя только кое-гдѣ топкими болотистыми ручьями или шавдонами. Выше по теченію Гудермеса находится непріятельскій аулъ Гертме, а еще выше, при сліянніи Мечика съ Гудермесомъ, Галбонъ. Оба эти аула защищены со стороны Умаханъ-юртовскаго Ущелья густымъ лѣсомъ и отчасти болотистою мѣстностью.

• Тамъ, гдѣ Качкальковскій Хребетъ замѣтно отдѣляется отъ массы Черныхъ Горъ и тянется одинъ, составляя границу между котловиною Большой Чечни и большою плоскостью, извѣстною подъ именемъ Кумыкской, стоитъ на сѣверо-восточномъ скатѣ его наше Куринское Укрѣпленіе. На противоположной сторонѣ хребта, прямо противъ Укр. Куринскаго, Черныя Горы круто поворачиваютъ на югъ, и расходятся подъ прямымъ угломъ съ Качкальковскимъ Хребтомъ, давая исходъ Мечикъ изъ его долины. Здѣсь взору представляется обширная, чистая поляна, перерѣзанная Мечикомъ и Гансау.

Двѣ версты ниже этого мѣста, хребетъ нѣсколько понижается и представляетъ ту выгоду, что войска могутъ спускаться прямо на ровную, чистую поляну, на которой хотя Мечикъ и составляетъ препятствіе по высокимъ обрывистымъ берегамъ своимъ, но берега эти безлѣсны и могутъ быть обстрѣливаемы артиллеріей; а за Мечикомъ снова простирается чистая, безлѣсная поляна.

Отъ поляны этой внизъ по Мечикѣ, который течетъ у самой подошвы Качкалыковского Хребта, тянется кустарникъ, на разстояніи восьми или девяти верстъ, до самаго сліянія Мечика съ Гудермесомъ. Впрочемъ, здѣсь часто встрѣчаются площадки; только отъ точки сліянія этихъ двухъ рѣкъ кустарникъ становится гуще и выше, а почва дѣлается болотистою и топкою. Болота и топкія мѣста составляютъ отличительный характеръ нижнихъ частей теченія всѣхъ рѣкъ Чечни, и уголъ, обозначенный Суяжею и Гудермесомъ, обилуетъ шавдонами и трясинами.

Возвращаясь къ Мечиковской Полянѣ, мы видимъ, что она окоймлена густымъ, непроходимымъ почти орѣшникомъ, отдѣляющимъ южную часть ея отъ глубокаго ложа Гудермеса, который вытекаетъ изъ Черныхъ Горъ. На скатахъ ихъ, за Гудермесомъ, находится большой аулъ Малартупъ, защищенный съ трехъ сторонъ глубокими балками.

Кромѣ этихъ пунктовъ, Качкалыковскій Хребетъ, покрытый лѣсомъ и защищенный съ внутренней стороны Чечни теченіемъ Мечика, лѣсами, оврагами, рытвинами и канавами, нигдѣ не представляетъ удобнаго мѣста для вступленія войскъ.

Всѣ эти свѣдѣнія были весьма темны и сбивчивы до тѣхъ поръ, пока мы ближе не познакомились съ Чечнею, проникнувъ въ глубь ея разбойничьихъ притоновъ, чему много содѣйствовали усиленныя рекогносцировки и въ особенности блистательныя и глубоко обдуманныя движенія Генералъ-Адъютанта Князя Барятинскаго. Всѣ они сорвали съ Чечни завѣсу тайны, подъ которою она была дотолѣ скрыта, и позволили ясно оцѣнить характеръ страны и трудности при будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Набросавъ очеркъ мѣстности, скажемъ нѣсколько словъ о племени, населяющемъ эту прекрасную долину. Чеченецъ, по умственнымъ способностямъ, стоитъ выше Авара, Тавлинца, Осетина и многихъ другихъ племенъ Кавказа. Онъ смѣливъ, понятливъ, даже уменъ въ ограниченномъ кругу своихъ дѣйствій; онъ гостепріименъ, добръ и не чуждается иновѣрцевъ, если только не преданъ фанатизму, что впрочемъ встрѣчается между ними весьма рѣдко. Приверженный, какъ всѣ младенчествующіе народы, къ обычаямъ старины, онъ не чуждъ однако желанія лучшаго; понимаетъ превосходство образованія, и съ истиннымъ уваженіемъ смотритъ на ученаго (*). Къ сожалѣнію, его хорошія каче-

(*) 14-го Ноября 1852 года, извѣстный ученый нашъ, г. Абихъ, проѣзжая, для геологическихъ изслѣдованій, вдоль по Качкалыковскому Хребту, ночевалъ въ Куринскѣ и сдѣлалъ мнѣ честь, остановившись у меня. На другой день мы поѣхали вмѣстѣ на горячіе ключи, гдѣ поселенъ чеченскій аулъ Исти-су. Г. Абихъ занялся изслѣдованіемъ минеральнаго источника, между тѣмъ толпы Чеченцевъ окружили насъ и, съ любопытствомъ смотря на изслѣдователя, спрашивали Ге-

ства заглушаются умственной неподвижностью, которую налагает исламъ на своихъ послѣдователей. Каждая попытка вырваться изъ обычной, ежедневной колеи считается между ними возстаніемъ противъ религіи, возмущеніемъ противъ закона. Невѣжество, незнаніе корана, даже самыми муллами, заставляетъ Чеченцевъ слѣпо вѣрить, что ничтожнѣйшій обычай ихъ предковъ записанъ въ священной книгѣ и освященъ религіей. Ихъ коварство и жестокость проистекаютъ также отъ вліянія исламизма. Человѣческія страсти, не управляемыя Христіанскою Религіею, переходятъ въ инстинктъ звѣря; вотъ почему, при хорошихъ врожденныхъ качествахъ, Чеченецъ мстителенъ до жестокости, коваренъ и скрытенъ для удовлетворенія своихъ страстей, и считаетъ всѣ средства дозволенными для достиженія цѣли.

Но кто же такой Чеченецъ по происхожденію? Къ какому большому семейству человѣческаго рода должны мы отнести его? Сначала мнѣ пришелъ на мысль остроумный выводъ г-на Лейярда, о рѣзкомъ различіи, существующемъ между поколѣніями семитическимъ и индоевропейскимъ.

«Семитическое племя», говоритъ онъ, «обладаетъ блестящими способностями: рѣчь его краснорѣчива, сравненія блестящи, уподобленія вѣрны и поэтичны, но у него нѣтъ стремленія къ лучшему. Какъ дѣлали отцы его, такъ дѣлаетъ и онъ; умъ его, одаренный богатыми способностями, не двигается впередъ, не совершенствуется. Напротивъ, Индо-Европеецъ не имѣетъ врожденного дара краснорѣчія, онъ не поэтъ, какъ Арабъ: заставьте его въ грубомъ, невѣжественномъ состояніи обратиться съ рѣчью къ своимъ друзьямъ, обороты его рѣчи будутъ грубы и тяжелы; заставьте его выѣпить сосудъ изъ глины, онъ будетъ имѣть самыя неизящныя формы. Но Индо-Европеецъ, заимствуя формы, аллегоріи и даже понятіе о красотѣ у народовъ, обладающихъ отъ природы блестящимъ воображеніемъ и врожденною любовью къ прекрасному, т. е. у народовъ семитическаго происхожденія, обладаетъ за то другой способностью—анализировать воспринятое впечатлѣніе, уяснять себѣ причины и условія проявленій прекраснаго, и, посредствомъ строгаго разсужденія и своихъ мыслящихъ способностей, улучшать и доводить до совершенства формы и понятія, заимствованныя имъ отъ другихъ (*).»

генераль-Маіора Бакланова, который присутствовалъ при опытѣ, что дѣлаетъ новопріѣзжій ученый. Когда Генераль-Маіоръ Баклановъ объяснилъ имъ, что г. Абихъ хочетъ узнать составъ воды, они нисколько не тревожились реагентами, которые вливалъ г. Абихъ въ самый источникъ, доставлявшій воду для питья аулу, и съ внимымъ уваженіемъ слѣдили за его дѣйствіями. Черезъ нѣсколько дней у нихъ даже разнеслась молва, что ученаго, который пріѣзжалъ испытывать ихъ воду, вѣроятно, назначать командующимъ подвижнымъ резервомъ Укрѣпленія Куринскаго.

(*) Layard. Nineveh and its remains. Vol. II, Part II, ch. II edit. of New-York.

Кто жилъ посреди племенъ сѣверной Кавказской Линіи, того не можетъ не поразить это мнѣніе. Чеченцы, Кабардинцы и, говорятъ, всѣ племена Адиге, какъ будто вылиты въ форму Семита; но, всматриваясь ближе, можно угадать, что это прививка, вѣроятно арабская. Кавказъ былъ издавна притономъ бродячихъ ордъ и племенъ со всѣхъ концовъ свѣта: съ Тибетской Плоской Возвышенности, съ береговъ Атлантическаго Океана, степей Аравіи и съ равнинъ холодной Скиѣи; Кавказъ можно уподобить тѣмъ скуднымъ источникамъ посреди степей африканскихъ, куда, какъ рассказываетъ Плиній, сбѣгались животныя различныхъ породъ для утоленія жажды, и, совокупляясь, производили новыя чудовищныя породы, въ которыхъ трудно было угадать ихъ происхожденіе. Только слабыя намеки преданій иногда указываютъ на происхожденіе племени; но по большей части преданія эти искажены, забыты и замѣнены баснями изъ корана, въ которомъ, по мнѣнію невѣжественныхъ племенъ, заключается исторія всѣхъ мусульманскихъ народовъ. Намъ остается еще наблюденіе характера народа, его обычаевъ; но и эти данныя невѣрны и обусловливаются вліяніемъ другихъ племенъ. Вѣрнѣе другихъ путей ведетъ къ разъясненію о происхожденіи племени наука языкознанія и корнесловія, и на нее-то обращено нынѣ вниманіе Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества. Въ настоящее время готовятся матеріалы для изданія сравнительнаго словаря всѣхъ кавказскихъ языковъ и нарѣчій—трудъ громадный, который внесетъ новый и яркій свѣтъ въ науку. Лингвистика, поддержанная наблюденіемъ характера и обычаевъ, уяснитъ непонятный иногда узелъ преданій и отдѣлитъ запутанныя сказанія различныхъ племенъ.

Въ настоящемъ нашемъ слабомъ и поверхностномъ розысканіи не могу однако не указать на нѣкоторыя особенности чеченскаго языка, открывающія обширное поле для размышленія. Сходство нѣкоторыхъ чеченскихъ словъ съ латинскими, нѣмецкими и англійскими поразительно. Такъ по-чеченски *дицеръ*—говорить, повелительное—*дице*; *ареа* (area)—поле, пустопорожнее мѣсто; *ю уеде* (eo)—я иду; *цурюкъ*—назадъ, а также—безъ; *асъ до*—я дѣлаю (англ. *I do*) (*). Скажу болѣе: я нашелъ въ чеченскомъ языкѣ формы, встрѣчающіяся только въ образованнѣйшихъ языкахъ древняго міра. Я говорю объ употребленіи дательнаго съ причастіемъ (*Deo volente*, Богу попустившу, *Augusto imperante*, Августу царствующу), и двухъ дательныхъ независимыхъ съ причастіемъ, которое согласовано съ однимъ изъ нихъ; такъ Чече-

(*) Богъ Деелли.—Въ этомъ словѣ, кажется, можно угадать два различныхъ корня: *Deus* и *Алла*, соединенные вмѣстѣ,—два начала: латинское и арабское, христіанское и мухамеданское.

нецъ, вмѣсто употребленія нарѣчія *когда*, говорить: *Мулла Наессеретана, беерини Кордеена, елле* и т. д. буквально: *Мулла Наессерету дѣтямъ надопѣвшимъ сказалъ* (*) и т. д. Откуда вошли въ употребленіе эти слова и формы? Почему Чеченецъ смѣтливѣе и понятливѣе племень, которыхъ происхожденіе отъ Гунновъ, Аваровъ и Монголовъ не подлежитъ сомнѣнію? Почему, какъ увидимъ мы ниже, онъ былъ христіаниномъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ? Почему наконецъ въ центрѣ чеченскаго народонаселенія сохранились оружейники, которые, по неизмѣняемому обычаю своихъ отцовъ, подѣлываютъ шапки, называемыя *волками*, съ изображеніемъ волка, который такъ напоминаетъ *les loups de Gascogne* (**)?

На Кавказѣ, начиная съ 8-го вѣка, когда кончилось великое переселеніе народовъ, замѣтно три вліянія: одно изъ нихъ *исто арабское*; завоеватели полусвѣта проникли также въ горы Кавказа, и поработивъ найденныя тамъ племена, внеся къ нимъ исламизмъ, сдѣлались повсюду правителями. До сей минуты, всѣ князья, всѣхъ племень Кавказа, считаютъ себя прямыми потомками Арабовъ, и стараются сохранить въ чистотѣ кровь своихъ предковъ, избѣгая всякаго смѣшенія съ низшими кастами. Самый титулъ *Шамъ-хала* (*Шамъ—Дамаскъ*) Тарковского напоминаетъ о происхожденіи этого владѣтельнаго дома. Второе вліяніе было, безъ сомнѣнія, *прибытіе крестоносцевъ*. Толпы несчастныхъ, разсыпавшіяся при Никей, могли пробраться въ горы Арменіи, и углубляясь все далѣе и далѣе, дойти до Кавказскаго Хребта.

Послѣ взятія Антиохіи и побѣды надъ Сельджуками (1098), голодъ заставлялъ толпы крестоносцевъ отдѣлиться отъ главной христіанской арміи и искать себѣ пропитанія въ отдаленныхъ странахъ; между этими крестоносцами должны были находиться и рыцари. Вспомнимъ, что изъ 600,000-й арміи только сорокъ тысячъ вошли съ Годфридомъ Бульонскимъ въ Іерусалимъ.

Наконецъ, третье, постороннее вліяніе было *прибытіе монгольскихъ ордъ*, которыя, впрочемъ, только уничтожали все на пути и заставляли жителей равнинъ бѣжать въ горы и непроходимыя ущелья главнаго хребта. Но какъ увидимъ изъ чеченскихъ сказаній, на жизнь этого народа имѣлъ еще вліяніе калмыцкій ханъ (вѣроятно Аюка, бывшій здѣсь въ началѣ 18-го вѣка); онъ оставилъ по себѣ живое воспоминаніе у Кумыковъ и Чеченцевъ.

Посмотримъ теперь, какъ рассказываютъ сами Чеченцы о своемъ происхожденіи. Я слышалъ давно, что въ горахъ жилъ нѣкто старикъ

(*) Изъ чеченскаго аполога.

(**) Изученіе оружія дѣло не послѣдней важности на Кавказѣ. Оружейники неизмѣнно дѣлаютъ его по образцу, указанному предками.

Зауръ, славившійся знаніемъ чеченскихъ преданій. Съ позволенія командующаго войсками на Кумыкской Плоскости, Генераль-Маіора Барона Николаи, я вызвалъ его къ себѣ въ Укрѣпленіе Куринское (черезъ наиба мирныхъ горцевъ, Штабсъ-Капитана Бату, который служилъ мнѣ также переводчикомъ), и я передаю здѣсь его безыскусственный рассказъ, предупреждая впрочемъ, что я ожидалъ гораздо болѣе отъ прославленнаго старожилы и рассказчика. Кое-гдѣ только можно уловить связь между преданіемъ и извѣстными историческими фактами; притомъ мнѣ кажется, что рассказы Заура едва-ли восходятъ за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ настоящаго времени.

Родоначальникомъ своимъ Чеченцы считаютъ какого-то *Молкха* или *Малкху*, который жилъ въ *Мэестѣ*, на высотахъ горныхъ хребтовъ. Изъ смысла рассказа Заурова можно заключить, что Молкха былъ скорѣе вождемъ, чѣмъ родоначальникомъ, и что преданіе забыло древнѣйшія событія; ибо Зауръ, упоминая о праотцѣ, называетъ племена (роды, семьи), которые жили въ тѣсной дружбѣ съ Чеченцами (*), и говоритъ, что самый Молкхъ былъ изъ фамиліи Цуери. Сосѣдями, друзьями и, вѣроятно, ближайшими родственниками Чеченцевъ были племена Алкууны, Цури, Цуери и др. Гдѣ было первое поселеніе Мэестѣ—опредѣлить изъ рассказа Заурова трудно. Но, какъ кажется, можно догадываться, что оно находилось въ верховьяхъ Аргуна, на сѣверномъ скатѣ главнаго хребта.

Изъ Мэестѣ Чеченцы переселились въ Нашихэ, гдѣ теперь, по словамъ Заура, находится ауль Керстенъ-Акхъ или Кіоло. Здѣсь, какъ кажется, умножавшееся народонаселеніе стало разъединяться, потому что преданія отдѣляютъ судьбу нынѣшнихъ Ичкеринцевъ и жителей котловины Большой Чечни отъ поселенцевъ на притокахъ Сунжи (въ Малой Чечнѣ), Карабулаковъ и Ауховцевъ. Два послѣднія племена говорятъ нарѣчіемъ чеченскаго языка.

«Во время заселенія Нашихэ, впервые появилось оружіе и начались», говоритъ Зауръ, «междоусобія. Въ то время люди стали строить себѣ крѣпкія башни, изъ которыхъ мужчины рѣдко выходили, боясь быть убитыми. Однѣ женщины, которыхъ, по обычаю, никто не смѣлъ тронуть, ходили свободно и потому занимались всѣми хозяйственными работами и даже земледѣліемъ». Вотъ причина, прибавилъ Штабсъ-Капитанъ Бата, по которой мы доселѣ заставляемъ женщинъ работать въ полѣ.

«Оружіемъ древнихъ Чеченцевъ были луки и стрѣлы, вошедшіе въ

(*) Не надобно забывать, что племя, которое я называю *Чеченцами*, получило гораздо позже это названіе; я постараюсь впослѣдствіи объяснить происхожденіе этого слова.

употребленіе послѣ Молкха, при богатырѣ *Кургухъ*, который также указалъ людямъ мѣру, обозначенную распростертыми руками (косая сажень). Эта мѣра доселѣ называется *кургала-аршинъ*.

Достоверно, что предки Чеченцевъ были христіане. Ауль Кіоло или *Керстенъ-Акхъ*, названный такъ потому, что въ немъ даже теперь живутъ христіане, былъ центромъ расселенія всѣхъ чеченскихъ племенъ. Звукъ *Акхъ* встрѣчается въ имени *Акхъ-Уховцевъ* и *Карабулъ-акховъ*, которыхъ Чеченцы признаютъ братьями по происхожденію. Но есть доказательство еще сильнѣйшее: честный Зауръ говорилъ мнѣ: «Не скрою отъ тебя, что я знаю навѣрное, что седьмой отецъ мой (предокъ въ седьмомъ поколѣніи) ѣлъ свинину. Я не помню крестовъ, но слыхалъ, что мы исповѣдывали какую-то другую вѣру, но какую именно—не знаю.»

Расселеніе изъ *Нашихъ* есть героическое время Чеченцевъ.

«Тогда царствовалъ сынъ Молкха, Тинавинъ-вису, по происхожденію, какъ сказано, *Цуантороевецъ*. Въ его время жили богатыри *Таніэльдєръ*, *Тієрмагалла*, *Гуно Каркалой*, *Гардазеирикъ*, *Ширдіи Канатъ* и др. У Ширдіи Каната Тинавинъ-вису отнялъ силою жену, что имѣло весьма важныя послѣдствія для всего племени. Тинавинъ-вису былъ красавецъ, и всѣ женщины были отъ него безъ ума. (Здѣсь слѣдуетъ вставочный рассказъ, который хорошо характеризуетъ нравы того времени). «Однажды богатырь Гуно Каркалой спросилъ у жены своей: можетъ-ли онъ быть увѣренъ, что она никого не любитъ, кромѣ его (*)?—«Я тебя очень люблю», отвѣчала она, «но признаюсь, что мнѣ хотѣлось бы хоть разъ обнять и поцѣловать Тинавинъ-вису». Каркалой разсердился, и, осѣдлавъ коня, поѣхалъ къ башнѣ, гдѣ жилъ Тинавинъ-вису, чтобы вызвать его на бой. Подѣхавъ къ башнѣ, онъ сталъ вызывать соперника, но не получилъ отвѣта, потому что Тинавинъ-вису спалъ, а жена его, догадавшись, что Гуно Каркалой пріѣхалъ не съ добрыми намѣреніями, не разбудила мужа. Тогда Каркалой, по принятому обычаю, вынулъ изъ стѣны башни три камня, и сложилъ ихъ передъ нею въ кучу, чѣмъ наносилъ страшное оскорбленіе своему врагу. Проснувшись, Тинавинъ-вису увидѣлъ эти камни, и, въ порывѣ гнѣва, вскочивъ на неосѣдланнаго коня, полетѣлъ къ жилищу Каркалая. Но здѣсь жена послѣдняго выскочила къ нему на встрѣчу, и, бросившись между врагами, сумѣла остановить кровопролитіе и уговорить богатырей оставить мщеніе. Умоляя Тинавинъ-вису, она выбрала однако удобную минуту, и поцѣловала красавца. «Такъ всегда», прибавилъ Зауръ, «женщина сумѣетъ сдѣлать все, чего ей захочется.»

Изъ этого разсказа, мнѣ кажется, можно замѣтить, что женщина, въ

(*) Замѣтимъ, что въ преданіяхъ не видно слѣдовъ многоженства.

прежнія времена, имѣла между горцами гораздо большій кругъ дѣйствія и большее вліяніе, чѣмъ мы привыкли видѣть въ странахъ мусульманскихъ; мнѣ кажется даже, что положеніе ея между предками Чеченцевъ было выше положенія женщины племенъ семитическихъ, т. е. Іудеевъ, Арабовъ, Сирійцевъ, Армянъ и др. Самая свобода женщинъ, во время междоусобій, и неприкосновенность ихъ для злѣйшаго врага, не свидѣтельствуютъ-ли объ уваженіи, которымъ онѣ пользовались наравнѣ съ женщинами Тацитовской Германіи (*). Доселѣ сохранился между Чеченцами обычай, свидѣтельствующій о высокомъ значеніи женщины въ прежнія времена. Убійца, преслѣдуемый мстителемъ, если успѣетъ вбѣжать въ саклю и припасть губами къ сосцамъ женщины, дѣлается въ ту же минуту членомъ этого дома, и женщина, которой онъ съ той минуты считается сыномъ, закрываетъ его собою. Онъ спасенъ, даже въ томъ случаѣ, если бы совершилъ убійство надъ членомъ семьи той сакли, которая послужила ему убѣжищемъ, и убилъ родственника той женщины, къ груди которой онъ прикоснулся. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ обыкновенно даетъ выкупъ за кровь, мщеніе прекращается, и спасенный такимъ образомъ считается молочнымъ братомъ этой семьи.

Дальнѣйшій разсказъ Заура имѣетъ какъ будто историческую достоверность. «Калмыцкій ханъ кочевалъ тогда съ своими ордами на правомъ берегу Терека, въ нынѣшнемъ Кумыкскомъ Владѣніи. Услышавъ онъ, что у Тинавинъ-вису есть красавица жена, которую отнялъ онъ у Ширдін Каната, и пріѣхалъ къ Тинавину въ гости, чтобы посмотрѣть ее. Она такъ понравилась хану, что тотъ выпросилъ ее себѣ, пригласивъ между тѣмъ Тинавинъ-вису побывать въ его станѣ. Вскорѣ Тинавинъ-вису исполнилъ желаніе хана и въ первый разъ увидѣлъ ровное мѣсто, большую рѣку и богатые, привольныя пастбища.—«Послушай ханъ», сказалъ онъ, «слышалъ я, что у тебя много земли, подари мнѣ эти прекрасныя мѣста; увидѣвъ ихъ, я не могу болѣе жить въ своей трущобѣ». Ханъ согласился и подарилъ ему и его племени всю плоскость отъ Качкальковскаго Хребта до Терека.» На этомъ разсказѣ основываютъ Чеченцы права свои на земли въ Кумыкскомъ Владѣніи.

Но, какъ кажется, или приведенный разсказъ позднѣйшая выдумка, или Тинавинъ-вису не успѣлъ до своей смерти занять мѣста, подаренныя ему Калмыками, потому что преданіе рассказываетъ еще, что, выйдя изъ Нашихъ (Кіоло, Керстенъ-Акхъ) съ тремя семействами, Тинавинъ-вису поселился въ Терехъ-Аллахъ (Ичкерія, верховья Аксая). Вышедшія съ нимъ семьи были: *Харатоевцы*, съ родоначальникомъ Уези;

(*) См. Tacite «Moeurs des Germains» Libr. VIII; Ситены, племя Свевовъ, управлялось даже женщиной. Libr. XLV.